

◆ ЭТЮД ОБ АКТЕРЕ

ТАНЕЦ - МЕЧТА

Он обратил на себя внимание сразу, хотя во внешности его не было броскости, что привлекает внимание к артисту. Да и заметили Юрия Веденева, солиста балета Свердловского театра им. Луначарского, не в современном спектакле, как бывает это теперь с молодыми, а в «Лебедином озере», в па-де-труа.

Танцовщик вышел, как того требовал номер, в окружении двух партнерш. Вслушиваясь в спокойную музыку первой части, юноша и сам оставался спокойным. Попеременно представляя каждую из своих подруг, он предпочитал находиться в тени. Когда же наступил черед мужской вариации и мощным толчком в исходной ее части танцовщик в красивом и сильном прогибе «завис» над сценой, публика перестала шелестеть программками и с заинтересованным напряжением, возникшим от удивления (так в свердловском балете мужчины давно не танцевали), досмотрела вариацию до конца.

Исполнитель вновь ушел на второй план — внимательный кавалер, и только. Позднее так появится Зигфрид Юрия Веденева. С холодным приветом обратится принц к друзьям, оставив собственные сомнения для себя. Когда будут станцованы Спартак, граф Альберт в «Жизели», Базиль и «Дон Кихоте», Юноша в «Шопениане», станет ясно, что стихия Веденева — не буря и натиск чувств, а тот покой, который населяет фокинский шедевр («Шопениана»).

То ли в силу природного психологического склада характера, то ли еще каких-то причин Веденев-танцовщик и Веденев-актер часто не совпадают. Свободный, раскрепощенный в танце (премьер в «Пахите», Базиль), он робеет там, где на смену вращениям, прыжкам, полетам приходит статика мизансцен. Это ясно, когда смотришь «Спартак».

Спектакль, поставленный много лет назад, не был насквозь танцевальным, что, в первую очередь, отозвалось в заглавной партии. Да и сама роль вождя рабов, как ее сочинил Е. Чанга, предполагала исполнителя другого толка, нежели Веденев. Тогда-то пришлось кстати масштабная героическая пластика и драматический дар Н. Ильченко. Сцены, в которых танцу отводилось не первое место, не пропадали у Ильченко. Они как бы становились барельефами, наполненными жизнью, что точь-в-точь совпадало с эстетикой всего спектакля.

Веденеву в таком спектакле неуютно. Героика и пафос — не его удел. Он не тореадор, а «танцовщик-сильфида» (если употребить термин, уже изве-

стный в театроведении). Юноша в «Шопениане» заставил нас, наконец, понять суть способностей танцовщика, не обнаруживающих себя раньше так явно, как в этой партии.

Известный балет Фокина — балет-воспоминание, тоска по романтизму эпохи легендарной «танцовщицы-сильфиды» Марии Тальони, ее соперниц и сподвижниц. В композиции на музыку Шопена торжествует духовность. Перед нами — редчайшая ситуация: праздник мечты. Праздник, где на мгновение дан простор для души и фантазии. Слово совсем исчезло из мира зло. Очистилось небо от туч, и природа несется в хороводе недолгой весны. «Шопениана» — миг раскрывающегося бело-розового бутона, миг распускающегося яблоневого цвета. В такой момент наступает полная тишина, и лишь необъяснимо загадочный звук угадывается в волшебном мире. Тот звук, в который вслушивается, который ищет и вдруг находит одна из сильфид.

Юноша, как танцует его Веденев, не склонен разрушать очарование счастливого сна. Он, как и его подружки, освободился на мгновение от оков и теперь скользит в танце-мечте.

Бесконечная романтическая отрешенность, в которую вместе с этим героем артист погружал своих Зигфрида, Альберта, иногда Хозе из «Кармен-сюиты» Ж. Бизе — Р. Шедрина и хореографа А. Алонсо, дала основание к утверждению того, с чего начался разговор: Веденев — прежде всего танцовщик, причем танцовщик-лирик.

Премьера «Щелкунчик» П. Чайковского и И. Бельского в заглавной партии с Ю. Веденевым, не отменяя сложившегося ранее взгляда на творческое амплу исполнителя, открыла нам в танце Щелкунчика — Веденева романтизм иного смысла, нежели в «Шопениане».

«Шопениана» — балет, в котором нет ни предательства, ни любви. В нем нет реальных судеб. «Щелкунчик» — при всей сказочности сюжета — спектакль о Жизни и о Судьбе, гофмановская тема в романтическом искусстве: уродливая кукла с душой принца среди царства мышиной сутолоки. Явившийся перед Машей принц в знаменитом адажио — Красота, выпущенная из неволи.

И тогда наступает торжество Человека. И снова ясно слышна лирическая тема танцовщика Юрия Веденева.

О. ПЕТРОВ.